

Невиффлеемские звезды О СТАРЫХ ЕЛОЧНЫХ ИГРУШКАХ

Алексей Тарханов

У МЕНЯ НА ШКАФУ

в картонном ящике лежат советские елочные игрушки. Они дьявольски хрупки и при этом неуклюжи и аляповаты. Они ободраны и побиты усилиями домашних и соседских скверных мальчишек. Но в тот самый декабрьский “раз в год” они приобретают тройное значение: предмета искусства, символа и талисмана. Как известно, апельсины и миндаль не растут на елках. На фоне белого московского безмолвия зеленая елка с цветными тяжелыми шарами всегда казалась померанцевым деревцем в каком-нибудь итальянском саду. С тех пор как елки стали украшать, игрушки делились на съедобные и несъедобные. Съедобные из года в год менялись, несъедобные появлялись вновь и вновь, пока естественная хрупкость или злая воля андерсеновского тролля из шкапулки не ставила предел их существованию. Бывало также, что какой-нибудь золотой орех счастливо избегал съедания, мумифицировался и окончательно переходил в разряд несъедобных, многолетних игрушек. Мы, взрослые, любим елочные игрушки не потому, что у нас хороший вкус, а потому, что в них мы любим свое детство. За это ничего не жаль. Ностальгия, как любое подлинное чувство, стоит очень дорого. Спросите об этом у плюшевых медведей, озолоченных на аукционах Sotheby's и Christie's. Есть знаменитые коллекции игрушек, в том числе и елочных.

Но я не про коллекционные, а про обычные, рядовые виселки. Каких полно на блошиных рынках Европы, особенно в Германии, и это всегда меня удивляло, потому что на земле, вспаханной когда-то бомбами американских «летающих крепостей», сохранилось все — от бритвенного зеркальца до прозрачного новогоднего шара. У нас едва ли найдешь какой-нибудь предмет на развалах. На барахолках эти вещи не имеют цены. Потому что почти не продаются. Стекланные колбочки ломаются слишком легко. Сейчас, в мире высокотехнологичных игрушек они выглядят архаичными и потому на удивление значительными. За каждой из них могучая история, семейное предание, миф. Украшения для елки — это глубоко интимные собрания, пожалуй, единственное, что в

ИХ МОЖНО ВЫНОСИТЬ ИЗ ДОМА ТОЛЬКО ЗАКУТАВ, СЛОВНО ГРУДНЫХ ДЕТЕЙ. КАЖДЫЙ НОВЫЙ ГОД ДЛЯ НИХ — ТЯЖКОЕ ИСПЫТАНИЕ, КАЖДЫЙ ПЕРЕЕЗД РАВЕН ЧУМЕ

наших квартирах переживает поколения. Их существование совершенно особенно, игрушки впадают в глубокую летнюю спячку и живут каждый год столько, сколько живет в доме елка. Поскольку Новый год бывает не каждый день, они ограждены от самого страшного для игрушек испытания, а именно игры, из которой немногие выходят невредимыми. То есть они всегда были в некотором роде ненастоящими игрушками. Аляповатые и хрупкие, они редко доставались детям на расправу, их разрешалось только трогать, да и то раз в году. «Игрушечный лук или игрушечная

шпага — одна поэзия, прозы в них нет, нет и зла. Игрушка воплощает самую идею доблести, минуя все неприглядные, земные стороны. Это душа меча, и кровь не запятнает ее», — писал в 1923 году Гилберт Кит Честертон. Так вот, елочные украшения были даже не столько игрушками, сколько символами игрушек.

Когда вынимается с антресолей старый пыльный ящик, где, уткнувшись в тяжелую свалившуюся вату (из императорских, должно быть, лазаретов), лежат игрушки, которые явно старше нас, мы готовы впасть в детство. Никто не помнит, в каком году, собственно, их купили. На этот счет в каждой семье есть легенды: с до-революции, с до-войны. Каталогов нет. Их древность определяется на глаз. И определение это, конечно, хромает, потому что формы не менялись десятилетиями. Они стары настолько, насколько вы их помните с детства. Вы скажете: они всегда были на нашей елке. Этот блестящий заяц — буквально ваш родственник, сколько лет прожито вместе бок о бок. Они такие хрупкие, что их можно выносить из дома только закутав, словно грудных детей. Каждый Новый год для них — тяжелое испытание, каждый переезд равен чуме.

Игрушки, плоды, выросшие на бесплодном дереве, еще хранят символы несуществующих государств. Их звезды, молоты и серпы превращают шарики в Знаки Почета. Их китайский Дед Мороз представляет от имени Великой дружбы. Их восточный Дед Мороз намекает на арабскую экспансию, еще не осложненную размолвкой с Насером. Они уморительны и не всегда красивы. Они старые и усталые. Их никогда не разглядывают отдельно, они часть могуче-

го целого, часть традиции, цветное пятно на мохнатой елочной груди. С высокой елки им плевать на наши хоромы и наши судьбоносные выборы.

Они многое повидали, они помнят, сколько елок на их веку награждали звездой, делая из нее дерево-героя. И всех их стаскивали на свалку истории. И только над Москвой башни Кремля и высотные дома поднимались в изморозь, как огромные заиндевелившие сталагмиты, гигантские каменные елки. Увенчанные нашей детской игрушкой, нашей невиффлеемской звездой.